

Текст · 7 октября 2021, 08:29

Юлия Сугуева,

«Заставляли учить и пересказывать явку наизусть». Осужденный по делу «Сети» Иванкин — о том, как его вынудили признаться в убийстве под Рязанью

5 сентября. Этап во Владимирскую область

5 сентября меня без объяснения причин этапируют в ФКУ СИЗО-2 УФСИН России по Нижегородской области. В тот же день отправили этапом в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Нижегородской области, где я провел три или четыре дня.

Затем, как я думаю, 9 сентября, я был этапирован в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Владимирской области. При этом никто мне о причинах и конечном пункте этапирования не мог сообщить, поясняли, что это не указано в моих документах или, наоборот, указано сразу несколько мест: Ярославль, Владимир, Зеленоград, Москва, Рязань.

На следующий день у меня на левой щеке воспалился фурункул, который пытались лечить еще в ИК-9 Чувашии. Воспаление было ощутимым, щеку раздуло. Я написал заявление на оказание медицинской помощи. Через один или два дня щека прошла сама, без медицинского вмешательства, а точнее, язва лопнула, и у меня на щеке осталась открытая рана.

13 или 14 сентября. Перевод в «Моторку»

На третий или четвертый день нахождения в ФКУ СИЗО-1 города Владимир мне сказали, что переводят меня в ИК-3 УФСИН России по Владимирской области для лечения. На что я пояснил, что медицинская помощь мне не требуется больше. На это мне ответил сотрудник СИЗО, что я смогу отказаться там, на месте.

13 или 14 сентября меня этапировали в ИК-3 УФСИН России по Владимирской области, именуемое также «Моторка».

Об этой колонии я слышал только плохое. Что там пытаются, имеются пресс-хаты, в которых выбивают показания — избивают, унижают и насилуют.

В день поступления в ИК-3 у меня забрали все мои вещи и дали больничную робу. Из вещей оставили предметы личной гигиены: тетрадь, ручку, туалетную бумагу и чай.

После чего повели в больничную зону, сопровождавший меня сотрудник колонии выключил нагрудный регистратор, после чего отошел в сторону, а ко мне подошли трое заключенных, как я понял, из местного «актива», они сотрудничали с работниками колонии.

Первые их слова были в мой адрес сделаны в очень грубой форме, суть которых сводилась к тому, чтобы меня максимально сильно унижить. Слова не только были унижительными и нецензурными, но и высказывались в виде угроз физической и сексуальной расправы надо мной. Затем они приказали встать лицом к стене и так стоять,

хотя сами свободно передвигались и общались с работниками колонии.

Через некоторое время заключенные дали мне на подпись несколько заявлений. Насколько помню, это было согласие на медицинское обследование, согласие на психологическое или психиатрическое исследование, заявление с просьбой не уведомлять родственников о моем поступлении в исправительную колонию, заявление на неоплачиваемый труд в порядке статьи 106 УПК РФ и что-то еще, в настоящий момент не помню.

Вначале я отказался подписывать эти заявления. Последовал удар ладонью по моему затылку, таких сильных ударов я раньше не получал. Удар сопровождался нецензурной бранью и другими угрозами. Такие действия в отношении меня применялись постоянно, стоило мне с ними не согласиться или поспорить. Всего в этот день я получил три-четыре удара ладонью по затылку.

После того, как я подписал все заявления, меня отвели в палату, где я содержался все время. После моего прихода, через некоторое время в палату пришел заключенный Родионов Андрей, 1973 года рождения. Он сразу начал оскорблять меня и давил на меня, запрещал чем-либо заниматься, постоянно угрожая физической расправой. В тот момент я уже опасался за свою жизнь и здоровье, поскольку понимал, что эти заключенные могут применить ко мне физическую силу, и им никто не будет мешать, наоборот, все их преступные действия сотрудники колонии будут скрывать. Я подумал, что, даже если они очень сильно

меня избьют, об этом никто не узнает, а меня не отпустят, пока все следы не исчезнут.

Родионов Андрей требовал, чтобы я ничего не делал, просто сидел на краю кровати. Сам он занимался своими делами. Когда легли спать, я почти не спал, боялся, что со мной могут что-то сделать.

На следующий день после обеда меня вызвали в штаб, там находились сотрудники ФСБ, один из них представился Лопатиным Андреем, как я понял, он из города Владимир, остальные были из другого города.

Они со мной стали разговаривать и задавать вопросы об обстоятельствах смерти [Артема] Дорофеева и [Екатерины] Левченко. Я им пояснил, что не причастен к их смерти. После этого они ушли, а меня снова встретили заключенные из числа активистов. Они в очередной раз стали меня оскорблять и унижать, я получил несколько очень сильных ударов по затылку и почкам. После чего меня поставили на «растяжку» и в таком состоянии периодически наносили мне удары по затылку и по почкам.

Как я понял, данные издевательства у них в порядке вещей, они не придумывали ничего нового: заставляли делать одно и то же, стоять лицом к стене, делать растяжку, били по затылку и редко по почкам.

В первый день, когда я отказался подписать заявления, меня тоже заставляли делать растяжку, били по затылку и почкам, а еще дали метлу и сказали мести какое-то помещение, всячески надо мной насмеялись и снимали происходящее на видеокамеру.

После моего отказа признать вину заключенные стали в угрожающей форме мне говорить, что я должен признать вину, что я виноват, что у меня нет другого выхода, надо сотрудничать со следствием. Напоследок пообещали, что изнасилуют, если я не поменяю своего решения.

На следующий день, 15 или 16 сентября, меня опять вызвали в штаб исправительной колонии, там находились те же сотрудники ФСБ, которые сказали, что моя версия их не устраивает, и дали мне распечатанную на компьютере явку с повинной, после чего меня вернули в палату.

Там, опасаясь новых избиений и реализации угроз, я под присмотром активистов несколько раз дословно переписывал явку с повинной, при этом, если я менял какие-либо слова, то мне приходилось переписывать все с самого начала. Затем я также был вынужден написать объяснение для ФСИН, которое повторяло явку с повинной. Это также происходило под контролем активистов.

В явке с повинной и объяснении была изложена версия событий из [статьи](#) СМИ «Медузы»^[1]. После чего активисты заставляли меня учить явку наизусть и пересказывать им ее. Учил и пересказывал ее я очень долго, до глубокой ночи. Затем, когда активистам понравился мой пересказ, они отпустили меня спать. Время было примерно час ночи.

16 сентября. Признательные показания

Приехал следователь Косенко (именно он в апреле [допрашивал](#) Иванкина в качестве свидетеля по делу

об убийстве Левченко и Дорофеева — МЗ) вместе с дежурным адвокатом [Натальей] Майер, с ними присутствовал сотрудник ФСБ Лопатин.

Перед тем как меня привели на встречу к следователю и адвокату, активисты еще раз напомнили обо всех своих угрозах, требовали, чтобы я все делал, как скажет следователь. Я согласился и обещал им, что все сделаю, как нужно, поскольку очень сильно боялся, что они исполнят все свои обещания. Я в полной уверенности был, что они могут исполнить все угрозы, и мне никто не поможет.

Когда я пришел на встречу к следователю, он пояснил, что ему передали мою явку с повинной, и теперь ее надо закрепить в присутствии адвоката Майер. Первое, что я написал, это отказ от адвоката Карташова К. Б. и согласился на адвоката по назначению Майер. При этом следователь Косенко убеждал меня, что мы изначально заняли неправильную позицию по делу, но теперь все в порядке, обещал мне, что с признанием вины мне не добавит большой срок. После чего перешли к оформлению явки с повинной, для этого требовалось еще раз пересказать содержание ранее написанного мной объяснения.

Насколько помню, я повторил ранее написанное, при этом следователь вносил свои правки там, где считал нужным, некоторые моменты из объяснения ему не понравились, и он переписал их по-своему. Я со всем согласился, опасаясь угроз активистов, а адвокат Майер никаким образом не вмешивалась в процесс. Она в основном общалась с сотрудником

ФСБ Лопатиным на отвлеченные темы, вопросов мне не задавала, побеседовать наедине не предложила, на мою просьбу связаться с моим адвокатом Карташовым или женой сказала, что она пришла сюда работать, и у нее нет времени влезать в это дело и кому-то звонить. Тогда я понял, что никто мне не поможет. Опасаясь за свою жизнь и здоровье, я дал признательные показания.

Каждый день мне поступали угрозы и «советы» все признавать от активистов. Иногда они применяли физическую силу — как я понял, для профилактики. Я находился под сильным моральным и психологическим давлением и не мог защищаться.

На следующий день после оформления явки с повинной я был допрошен в качестве подозреваемого с участием адвоката по назначению Майер. В тот период у меня уже не было даже мысли давать показания о том, как все было на самом деле, что я никакого отношения к смерти Дорофеева и Левченко не имею.

Я соглашался со всем, что предлагал следователь, давал нужные ему показания. А чтобы я ничего не забыл, со мной каждый день «общались» активисты. Они продолжали унижать меня, запугивать и бить.

Затем на следующий день или через день был один или два допроса, о чем они были, я уже не помню, следователь вносил уточнения, а я по-прежнему со всем соглашался из-за опасений за свою жизнь.

28 сентября. Предъявление обвинения в СИЗО-1 Владимира

Далее несколько дней следователь ко мне не приходил. Зато подходили оперативные сотрудники исправительной колонии и постоянно задавали уточняющие вопросы по делу. Не знаю, для чего они это делали, может, перепроверяли информацию, а может, смотрели за моей реакцией, не передумал ли я и буду ли я дальше все признавать и со всем соглашаться.

А затем меня этапировали обратно в ФКУ СИЗО-1 города Владимира. И кажется, в этот же день или на следующий ко мне приходил следователь Косенко и адвокат Майер.

Следователь Косенко предъявляет мне обвинение, датированное 28.09.2021. Возможно, это и было сделано 28.09.2021.

До того, как пришел следователь, я начал записывать в свою тетрадь всю хронологию действий, которые со мной были совершены. Я фиксировал даты выезда (если помнил), кто и каким образом причинял мне вред. Пытался восстановить показания, которые написал следователь, но после предъявления обвинений и допроса в качестве обвиняемого, я вернулся в хату^[2] и обнаружил, что моя тетрадь с записями пропала, ее кто-то украл.

Вечером в этот же день ко мне подошел сотрудник СИЗО и сказал, чтобы я не думал даже о том, чтобы поменять показания, иначе меня снова могут вернуть в ИК-3, если я не до конца понял урок. Я ответил, что все понял и менять показания не буду.

На следующий день, предположительно 29 сентября, ко мне в следственный изолятор в очередной раз пришел следователь с адвокатом и провел очередной допрос. Опасаясь, что меня снова могут этапировать в ИК-3, я соглашался со всем, что писал следователь. А когда он вышел, то попросил адвоката Майер позвонить моей жене и рассказать, где я нахожусь. Но адвокат сказала, что не будет никому звонить.

30 сентября. Проверка показаний в Рязани

В четверг, 30 сентября, меня этапировали в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Рязанской области.

В субботу, 2 октября, меня вывезли из СИЗО в здание Следственного комитета в городе Рязани, где в присутствии другого дежурного адвоката был мой допрос в качестве обвиняемого (по части 2 статьи 105 УК).

Кроме того, передо мной разложили карту Рязани и следователь сказал, чтобы я показал район города, в котором я совместно с [Алексеем] Полтавцом проживал в 2017 году.

Алексей Полтавец — сбежавший в Украину знакомый пензенских фигурантов дела — [рассказал](#) «Медузе», что в апреле 2017 года он вместе с Иванкиным убил своих друзей Левченко и Дорофеева в лесу под Рязанью. Бывшая девушка Полтавца Виктория Фролова при этом утверждала: тот рассказывал ей, что сам зарезал Левченко и Дорофеева, объяснив это тем, что они хотели

сдаться силовикам из-за уголовного дела о наркотиках.

Поскольку я город не знаю, я выбрал достаточно большой участок карты.

Затем следователь пояснил, что необходимо сделать проверку показаний на месте, но так как я не знал, куда надо ехать, то периодически мы останавливались и следователь показывал мне направление, после чего включалась видеозапись, на которой я повторял слова следователя.

Когда мы ехали в лес, где были обнаружены останки Дорофеева и Левченко, мы несколько раз делали ложные остановки, и следователь под видеозапись просил меня сказать, что мы ошиблись и нам надо не сюда. А потом он мне показывал направление и включал видеозапись, а я вновь повторял его слова.

С наступлением темноты пришлось прервать следственные действия.

А на следующий день, 3 октября, все продолжилось, и я все делал точно так же, как днем ранее. Повторял за следователем, включалась видеозапись. Я и подумать не мог о том, чтобы прекратить этот фарс, поскольку боялся и в настоящий момент боюсь, что меня вернут в ИК-3 во Владимире, где продолжают избивать или даже убьют. Я реально опасаюсь за свою жизнь и здоровье.

Редактор: Мария Климова

1. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранцев» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что «Медуза» внесена Минюстом в реестр СМИ, выполняющих функции «иностранного агента».

2. Камеру.